

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Следственные действия: познавательная функция, процессуальная характеристика и система»

Обучающийся

С.В. Горбань

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования следственных действий обусловлена их ключевой ролью в уголовном судопроизводстве как основного инструмента установления истины через собирание, проверку и закрепление доказательств. Отсутствие законодательного определения понятия «следственные действия» в УПК РФ, стремительное развитие технологий, рост киберпреступности и транснациональных угроз требуют переосмысления их познавательной функции, процессуальных характеристик и системной организации. Проблемы правоприменения, включая нарушения процессуальных норм и недостаточную защиту прав участников, подчеркивают необходимость теоретического и практического анализа для совершенствования законодательства и практики, что делает тему исследования значимой для укрепления правопорядка и повышения эффективности правосудия.

Цель дипломной работы заключается в исследовании теоретических и практических аспектов следственных действий, их познавательной функции, процессуальной характеристики и системы в уголовном судопроизводстве для разработки предложений по совершенствованию их правового регулирования и правоприменения.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие следственные действия, их познавательную функцию, процессуальную характеристику и систему организации в уголовном судопроизводстве.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе производства следственных действий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Понятие и познавательная функция следственных действий	8
1.1 Понятие следственных действий: сущность и признаки	8
1.2 Познавательная функция следственных действий и ее роль в расследовании.....	15
1.3 Виды следственных действий, направленных на познание обстоятельств дела	21
Глава 2 Процессуальная характеристика следственных действий.....	29
2.1 Нормативное регулирование следственных действий в уголовно- процессуальном законодательстве	29
2.2 Принципы и условия проведения следственных действий	39
Глава 3 Система следственных действий.....	45
3.1 Понятие, структура и классификация системы следственных действий	45
3.2 Проблемы и перспективы совершенствования системы следственных действий	51
Заключение.....	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	67

Введение

Актуальность исследования следственных действий обусловлена их центральной ролью в уголовном судопроизводстве как ключевого инструмента достижения целей правосудия. Следственные действия, направленные на собирание, проверку и закрепление доказательств, обеспечивают установление истины по уголовному делу, что делает их неотъемлемой частью процессуальной деятельности. В условиях стремительного развития технологий и появления новых форм преступности, таких как киберпреступления и транснациональные правонарушения, традиционные подходы к производству следственных действий требуют переосмысления. Это подчеркивает необходимость анализа их познавательной функции, процессуальных характеристик и системной организации для адаптации к современным вызовам.

Отсутствие законодательного определения понятия «следственные действия» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) порождает терминологическую неопределенность, что усложняет единообразное правоприменение и вызывает научные дискуссии. Разнообразие подходов к классификации следственных действий, а также их двойственная природа, сочетающая познавательные и принудительные аспекты, требуют углубленного изучения для устранения пробелов в законодательстве и практике. Кроме того, цифровизация общественных отношений и внедрение биометрических данных, искусственного интеллекта и дистанционных технологий в расследование актуализируют вопросы их процессуального закрепления и защиты прав участников процесса.

Проблемы правоприменения, такие как нарушения процессуальных норм, недостаточная квалификация следователей при работе с цифровыми доказательствами и слабая защита прав третьих лиц, подчеркивают необходимость совершенствования системы следственных действий. Эти вызовы требуют не только законодательных изменений, но и разработки

теоретических основ, которые обеспечат баланс между эффективностью расследования и соблюдением конституционных гарантий. Таким образом, исследование следственных действий имеет высокую научную и практическую значимость, направленную на повышение качества уголовного судопроизводства.

Актуальность темы усиливается необходимостью гармонизации российских процессуальных норм с международными стандартами, особенно в условиях роста транснациональной преступности. Развитие дистанционных технологий и необходимость обеспечения доказательственной силы результатов следственных действий в зарубежных юрисдикциях подчеркивают важность системного подхода к их изучению. Исследование направлено на выявление путей оптимизации следственных действий, что способствует укреплению правопорядка и повышению доверия к системе правосудия.

Цель дипломной работы заключается в исследовании теоретических и практических аспектов следственных действий, их познавательной функции, процессуальной характеристики и системы в уголовном судопроизводстве для разработки предложений по совершенствованию их правового регулирования и правоприменения.

Задачи исследования:

- изучить понятие следственных действий, их сущность и признаки;
- раскрыть познавательную функцию следственных действий и ее роль в расследовании;
- проанализировать виды следственных действий, направленных на познание обстоятельств дела;
- исследовать нормативное регулирование следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве;
- рассмотреть принципы и условия проведения следственных действий;

- изучить понятие, структуру и классификацию системы следственных действий;
- выявить проблемы и перспективы совершенствования системы следственных действий.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие следственные действия, их познавательную функцию, процессуальную характеристику и систему организации в уголовном судопроизводстве.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе производства следственных действий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Теоретическая база исследования включает труды ведущих российских ученых в области уголовного процесса и криминалистики, таких как Н.С. Алексеев, Ф.Н. Багаутдинов, Н.М. Васильева, Т.В. Горбенко, О.В. Добровлянина, А.В. Дулов, С.В. Кузьмин, П.А. Лупинская, Е.А. Прохорова, Т.В. Седых, В.Ю. Стельмах, М.Ю. Терехов, Е.С. Токаренко, И.А. Цховребова, С.А. Шейфер, З.Л. Шхагапсоев, В.Н. Яшин. Их работы обеспечивают всесторонний анализ понятия, функций и классификации следственных действий, а также проблем их правового регулирования.

Эмпирическая база исследования включает судебную практику, а также материалы следственной практики, отражающие особенности производства следственных действий.

Нормативно-правовая база включает Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции», а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19, регулирующие порядок и условия проведения следственных действий.

Методы исследования включают общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход, обобщение), частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой) и эмпирические

методы (изучение судебной практики). Комплексное применение этих методов обеспечивает всесторонний анализ темы.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию системы следственных действий, включая внедрение обязательной видеофиксации, усиление судебного контроля, разработку стандартов работы с цифровыми доказательствами и повышение квалификации следователей. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной практике, законотворческой деятельности и образовательных программах юридических вузов.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Первая глава посвящена анализу понятия, познавательной функции и видов следственных действий. Вторая глава раскрывает процессуальную характеристику, включая нормативное регулирование и принципы их проведения. Третья глава рассматривает систему следственных действий, ее структуру, классификацию, проблемы и перспективы совершенствования.

Глава 1 Понятие и познавательная функция следственных действий

1.1 Понятие следственных действий: сущность и признаки

Следственные действия представляют собой фундаментальный элемент уголовного судопроизводства, обеспечивающий реализацию задач расследования преступлений посредством собирания, проверки и оценки доказательств. Их правовая природа и функциональная направленность остаются предметом научных дискуссий, что обусловлено сочетанием познавательной, принудительной и удостоверительной функций. В уголовно-процессуальной науке следственные действия рассматриваются как строго регламентированные законом процедуры, выполняемые уполномоченными субъектами с целью установления обстоятельств уголовного дела. Однако отсутствие законодательного определения данной категории в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) порождает теоретические и практические сложности, требующие тщательного анализа их сущности и признаков.

Терминологическая неопределенность следственных действий усугубляется различными подходами к их пониманию в зарубежных правовых системах. В англо-саксонской модели уголовного процесса акцент делается на состязательности сторон, что отражается в процедурах, направленных на раскрытие доказательств. Континентальная система, к которой относится российское право, традиционно ориентирована на активную роль следственных органов в поиске истины. Сравнительно-правовой анализ показывает, что универсального понимания следственных действий не существует, что подчеркивает необходимость учета национальных особенностей при их теоретическом осмыслении и законодательном закреплении.

М.Ю. Терехов и Н.Д. Пятибратова подчеркивают сложность понимания следственных действий, акцентируя их двойственный характер:

«Следственные действия обладают двойственным характером: с одной стороны, они направлены на познание, с другой – могут включать элементы государственного принуждения, что вызывает споры о их правовой природе» [23, с. 110]. Эта позиция подчеркивает, что такие действия, как обыск, выемка или освидетельствование, не только служат целям получения доказательственной информации, но и предполагают ограничение конституционных прав граждан, что требует строгого соблюдения процессуальных гарантий. Позитивным аспектом данного подхода является выделение многоаспектности следственных действий, что позволяет учитывать их влияние на права участников процесса. Стоит отметить, что акцент на принудительном аспекте важен для совершенствования законодательства, однако он не должен затмевать познавательную сущность, которая является определяющей для следственных действий.

Следует отметить, что принуждение в рамках следственных действий не является самоцелью, а выступает необходимым средством преодоления противодействия расследованию и обеспечения доступа к источникам доказательственной информации. Данное обстоятельство актуализирует проблему пропорциональности применяемых мер ограничения прав участников процесса целям расследования. Современная доктрина уголовного процесса должна учитывать баланс между эффективностью расследования и защитой конституционных прав граждан, что требует развития теоретических основ ограничения государственного принуждения в рамках следственных действий.

Исторический контекст позволяет глубже понять эволюцию данной категории. Н.С. Алексеев отмечает: «В советский период акцент в трактовке следственных действий делался на субъекте их производства, тогда как современное право смещает фокус на их познавательную сущность» [1, с. 78]. Этот переход отражает изменение приоритетов уголовно-процессуального права: от формального определения круга должностных лиц к акценту на гносеологической роли следственных действий в процессе доказывания.

Подход Н.С. Алексеева ценен тем, что демонстрирует динамику развития института следственных действий, однако его ограниченность заключается в недостаточной проработке вопроса о том, как современная познавательная направленность влияет на классификацию этих действий. Например, включение в их перечень таких процедур, как наложение ареста на имущество, которое одновременно является мерой принуждения, создает разночтения в их правовой природе.

Эволюция понимания следственных действий отражает более широкие изменения в теории уголовного процесса, связанные с переходом от розыскной к смешанной модели судопроизводства. Советский период характеризовался доминированием публичных интересов над частными, что обуславливало расширительное толкование полномочий следственных органов. Современный этап развития российского уголовно-процессуального права демонстрирует стремление к гармонизации публичных и частных интересов, что находит отражение в усилении судебного контроля за производством следственных действий и расширении процессуальных гарантий участников процесса.

М.Х. Гельдибаев дополняет анализ исторической перспективой: «Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года следственные действия рассматривались как действия судебных следователей, направленные на исследование обстоятельств преступления, что свидетельствует об их исторически сложившейся природе» [8, с. 112]. Данный подход подчеркивает преемственность в понимании следственных действий как инструмента расследования, однако он не учитывает современные реалии, такие как расширение субъектного состава за счет участия экспертов или профайлеров. Спорным аспектом является отсутствие у М.Х. Гельдибаева предложений по адаптации исторических подходов к текущим вызовам, например, в части регламентации экспертиз, которые нередко вызывают вопросы о законности их проведения. На взгляд автора, исторический анализ М.Х. Гельдибаева полезен для понимания эволюции института, но требует

дополнения современными теоретическими разработками, чтобы быть применимым в актуальной практике.

Следует отметить, что реформы уголовно-процессуального законодательства последних десятилетий не изменили фундаментальной природы следственных действий, сохранив их ориентацию на активное выявление и закрепление доказательств. Вместе с тем современные вызовы, связанные с цифровизацией общества и появлением новых форм преступности, требуют переосмысления традиционных подходов к классификации и регламентации следственных действий.

Н.М. Васильева акцентирует внимание на отсутствии единого подхода к сущности следственных действий в УПК РФ, что приводит к пробелам в правоприменении. Она отмечает, что «сопоставление различных положений УПК РФ исключает возможность единообразного понимания следственных действий в системе уголовно-процессуального регулирования», подчеркивая их разнородный характер в зависимости от контекста [7, с. 133]. Исследователь замечает, что «применительно к разным ситуациям под ними фактически предполагаются различные правовые категории. Так, например, в контексте ч. 1 ст. 86 УПК РФ можно предположить, что следственные действия имеют сугубо познавательный характер и направлены на собирание доказательств. Вместе с тем ч. 2 ст. 164 и ч. 1 ст. 165 УПК РФ, устанавливая судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий, включают в их перечень наложение ареста на имущество, которое одновременно является мерой уголовно-процессуального принуждения. В ч. ч. 1-2 ст. 215 УПК РФ под окончанием следственных действий законодатель имеет в виду завершение любых действий следователя, составляющих содержание предварительного расследования, и т. д.» [7, с. 133]. Этот взгляд подтверждает необходимость законодательного закрепления понятия следственных действий, однако автор не раскрывает конкретных путей решения этой проблемы. Позитивным аспектом является акцент на

необходимости дальнейших научных исследований для оптимизации законодательства.

Системный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выявляет не только терминологические противоречия, но и функциональные пересечения следственных действий с иными процессуальными процедурами. Например, получение образцов для сравнительного исследования может рассматриваться как самостоятельное следственное действие или как элемент других действий, что создает неопределенность в правоприменительной практике. Подобные коллизии свидетельствуют о необходимости комплексного реформирования законодательства с учетом современных достижений процессуальной науки и потребностей практики расследования.

З.Л. Шхагапсоев отмечает, что «следственное действие – это регламентированная Уголовно-процессуальным кодексом РФ деятельность уполномоченных органов государства и должностных лиц, осуществляемая после возбуждения уголовного дела, при наличии фактических и правовых оснований, направленная на отыскание, восприятие, закрепление и оценку доказательственной информации» [31, с. 190].

З.Л. Шхагапсоев выделяет следующие характерные черты следственных действий:

- «следственные действия за исключением осмотра места происшествия производятся только после возбуждения уголовного дела;
- следственные действия проводятся уполномоченными на то уголовно-процессуальным законом участниками уголовного судопроизводства;
- процессуальный порядок производства следственных действий регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом;
- следственные действия проводятся при наличии фактических и (или) формально-процессуальных оснований;

- производство следственных действий связано с мерами государственного принуждения в рамках закона;
- производство следственных действий возможно только в ходе предварительного расследования и при расследовании по вновь открывшимся обстоятельствам;
- производство следственных действий направлено на отыскание, восприятие, закрепление и оценку доказательственной информации» [31, с. 188].

Процессуальная форма следственных действий обеспечивает не только их законность, но и доказательственную ценность полученных результатов. Нарушение установленного порядка производства следственных действий влечет за собой признание полученных доказательств недопустимыми, что подчеркивает императивность процессуальных требований. Данное обстоятельство актуализирует проблему соотношения существенных и несущественных нарушений процессуального порядка, разрешение которой требует выработки четких критериев оценки влияния процессуальных нарушений на достоверность и относимость доказательств.

Е.С. Токаренко предлагает рассматривать следственные действия через призму их признаков, что позволяет четко дифференцировать их от иных процессуальных процедур. Исследователь утверждает: «Сущность следственных действий обусловлена обязательным наличием их основных признаков, без которых их квалификация невозможна» [24, с. 53]. Исследователь выделяет следующие признаки:

- процессуальная регламентация. Следственные действия строго регламентированы нормами УПК РФ, что обеспечивает законность и достоверность их результатов. Например, ст. 164 УПК РФ устанавливает общие правила их производства, включая обязательность соблюдения прав участников;
- осуществление уполномоченными субъектами. Следственные действия проводятся следователями, дознавателями или иными

лицами, наделенными соответствующими полномочиями. Это отличает их от иных действий, например, оперативно-розыскных мероприятий, выполняемых иными субъектами;

- принудительный характер. Многие следственные действия (обыск, выемка, освидетельствование) связаны с ограничением конституционных прав граждан, что требует соблюдения судебного порядка (ст. 165 УПК РФ) и процессуальных гарантий;
- познавательный-удостоверительный характер. Следственные действия направлены на поиск, восприятие и закрепление доказательств. Например, допрос фиксирует показания, а осмотр места происшествия – материальные следы, что обеспечивает их использование в процессе доказывания [24, с. 53].

Субъектный состав следственных действий претерпевает постоянные изменения, отражающие развитие организационных форм предварительного расследования. Расширение полномочий дознавателей, введение института руководителя следственного органа, развитие специализации следователей по отдельным категориям дел – все эти факторы влияют на понимание субъектных характеристик следственных действий. Особого внимания заслуживает роль специалистов в производстве следственных действий, которая выходит за рамки простого содействия и приобретает самостоятельное значение в процессе формирования доказательственной базы.

Итак, сущность следственных действий заключается в их направленности на обеспечение процесса доказывания через собирание, проверку и оценку доказательственной информации, что сочетается с возможностью применения мер государственного принуждения и строгой процессуальной формой. Их признаки – процессуальная регламентация, осуществление уполномоченными субъектами, принудительный и познавательный-удостоверительный характер – определяют их уникальность в системе уголовно-процессуальных процедур. Отсутствие законодательного

определения порождает необходимость дальнейших исследований и унификации подходов для устранения теоретических и практических противоречий. Разработка единого понятия следственных действий в УПК РФ могла бы повысить эффективность правоприменения и обеспечить баланс между познавательной и принудительной функциями.

Методологические основы исследования следственных действий требуют применения междисциплинарного подхода, объединяющего достижения юридических, психологических, криминалистических и иных наук. Гносеологический аспект следственных действий тесно связан с теорией познания и эпистемологией, что обуславливает необходимость философского осмысления их природы. Психологические закономерности восприятия, памяти и мышления участников следственных действий оказывают существенное влияние на качество получаемой доказательственной информации, что требует учета при совершенствовании процессуальной регламентации.

Следственные действия представляют собой сложную правовую категорию, сочетающую познавательную, принудительную и удостоверительную функции, а их признаки формируют основу для их идентификации и применения в уголовном судопроизводстве.

1.2 Познавательная функция следственных действий и ее роль в расследовании

Познавательная функция следственных действий является их ключевой характеристикой, обеспечивающей достижение целей уголовного судопроизводства через установление фактических обстоятельств преступления. Эта функция проявляется в целенаправленном собирании, проверке и закреплении доказательственной информации, что делает следственные действия основным инструментом познания в процессе расследования. Различные исследователи подчеркивают значение этой

функции, однако их подходы различаются в деталях, что требует анализа и уточнения роли следственных действий в современном уголовно-процессуальном праве.

Т.В. Седых подчеркивает, что следственные действия выступают «основным инструментом познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [21, с. 58]. Эта позиция акцентирует их центральную роль в процессе доказывания, подчеркивая, что именно через следственные действия следователь получает доступ к фактическим данным, необходимым для установления истины по делу. Седых делает акцент на активной роли следователя, который использует следственные действия как средство систематического изучения обстоятельств преступления.

Гносеологическая природа следственных действий обуславливает их подчиненность общим законам познания, включая принципы объективности, всесторонности и полноты исследования. Познавательный процесс в ходе следственных действий характеризуется переходом от чувственного восприятия к рациональному осмыслению, что требует применения различных методов познания – наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, моделирования. Эффективность познавательной деятельности следователя во многом определяется его способностью правильно выбрать и применить соответствующие методы в зависимости от конкретной следственной ситуации.

С.А. Шейфер развивает эту мысль, определяя следственные действия как «особый процессуальный инструмент, с помощью которого следователь осуществляет познавательную деятельность, выявляет и отображает фактические данные, составляющие затем содержание доказательства» [30, с. 93]. Шейфер подчеркивает, что следственные действия – это не просто механическое выполнение процессуальных процедур, а целенаправленная деятельность, направленная на познание и фиксацию фактов, которые затем трансформируются в доказательства. Его подход выделяет уникальность следственных действий в сравнении с иными процессуальными

мероприятиями, подчеркивая их строгую регламентацию и ориентацию на достижение гносеологических целей.

Однако Е.А. Прохорова указывает на определенные ограничения этой позиции, отмечая: «Расширение способов собирания доказательств путем производства иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) нивелирует исключительную роль следственных действий в доказывании» [20, с. 160]. Она акцентирует внимание на том, что современное уголовно-процессуальное право расширяет круг источников доказательств, включая оперативно-розыскные мероприятия и иные действия, что снижает исключительность следственных действий. Это наблюдение подчеркивает необходимость четкого разграничения следственных действий от других процессуальных форм, особенно в условиях цифровизации и внедрения новых технических средств, которые изменяют традиционные подходы к расследованию.

Е.А. Прохорова предлагает пересмотреть подходы к классификации следственных действий, чтобы учесть современные реалии и обеспечить их эффективность в новых условиях.

Технологические инновации кардинально изменяют традиционные подходы к пониманию познавательной функции следственных действий. Цифровые следы, биометрические данные, информация из социальных сетей и мессенджеров расширяют возможности получения доказательственной информации, одновременно ставя новые вопросы о пределах и способах их процессуального закрепления. Искусственный интеллект и машинное обучение создают предпосылки для автоматизации отдельных аспектов следственной деятельности, что требует переосмысления роли человеческого фактора в познавательном процессе.

С.В. Кузьмин в своей работе акцентирует внимание на познавательной роли вопроса как неотъемлемого элемента следственных действий, подчеркивая, что их эффективность во многом зависит от умения следователя правильно формулировать вопросы и ориентироваться на предмет доказывания.

С.В. Кузьмин отмечает: «Низкая эффективность расследования во многом обусловлена неумением правильно ставить задачи (вопросы), подлежащие разрешению в ходе следствия, непониманием исключительно важного места вопроса в процессе движения мысли от незнания к знанию» [16, с. 118]. С.В. Кузьмин рассматривает вопрос как гносеологический инструмент, который направляет действия следователя, определяет цели расследования и способствует устранению информационной неопределенности.

По мнению С.В. Кузьмина, следственные действия представляют собой частный случай познавательного процесса, подчиненного общим закономерностям познания. Он подчеркивает, что «расследование состоит из непрерывной постановки вопросов и получения ответов на них», а сам вопрос является формой мышления, отражающей потребность в новой информации [16, с. 119]. Например, при составлении плана расследования следователи часто допускают ошибку, фокусируясь только на перечне следственных действий, игнорируя вопросы, которые должны быть разрешены. Это приводит к пассивному характеру поиска доказательств и затягиванию сроков расследования.

Важно отметить роль криминалистических программ, которые представляют собой структурированные перечни вопросов и задач, направленных на анализ следственной ситуации. С.В. Кузьмин утверждает: «Изучение следственной практики позволяет утверждать, что эффективность расследования значительно повышается при использовании кратких или развернутых криминалистических программ» [16, с. 120]. Краткие программы помогают разделить сложную ситуацию на простые элементы, а развернутые – моделируют действия следователя, направляя его на решение конкретных задач. Например, при расследовании кражи громоздких предметов следователь должен задать вопросы о способе совершения преступления, используемых средствах и возможном местонахождении похищенного, что позволяет структурировать процесс собирания доказательств.

Также следует обратить внимание на осмотр места происшествия, где познавательная роль вопроса проявляется наиболее отчетливо. С.В. Кузьмин критикует практику, когда следователи ограничиваются описанием предметов, не задавая целенаправленных вопросов, связанных с предметом доказывания. «Непонимание следователем гносеологической роли вопроса или ее игнорирование при выполнении процессуальных действий особенно заметно на примере осмотра места происшествия», – отмечает С.В. Кузьмин [16, с. 122]. Это приводит к утрате важной доказательственной информации, которую сложно или невозможно восстановить при повторных осмотрах. В качестве примера он приводит случай из дела «Лесополоса», где отсутствие целенаправленных вопросов при осмотре места происшествия помешало своевременному определению направления поиска подозреваемого.

С.В. Кузьмин также подчеркивает значение вопросов при проведении допросов и экспертиз. Он указывает, что нечетко сформулированные вопросы или их отсутствие приводят к неполноте полученной информации, что отрицательно сказывается на расследовании. «Нечетко сформулированный вопрос нередко порождает столь же нечеткий ответ. А непоставленный вопрос вообще лишает следователя возможности получить важную доказательственную информацию», – утверждает он [16, с. 124]. Таким образом, исследователь предлагает рассматривать вопросы как инструмент, мобилизующий следователя на поиск информации и обеспечивающий целенаправленность следственных действий.

Когнитивные аспекты следственной деятельности тесно связаны с проблемами профессиональной деформации и психологической устойчивости следователей. Длительное воздействие негативной информации, необходимость принятия решений в условиях неопределенности, высокая степень ответственности за результаты расследования – все эти факторы могут негативно влиять на качество познавательной деятельности. Профилактика профессиональной деформации и развитие когнитивных способностей

следователей должны рассматриваться как важные направления повышения эффективности следственных действий.

Итак, познавательная функция следственных действий заключается в их способности обеспечивать процесс доказывания через целенаправленное собирание, проверку и закрепление доказательственной информации. Подходы Т.В. Седых и С.А. Шейфера подчеркивают центральную роль следственных действий как инструмента познания, тогда как Е.А. Прохорова указывает на необходимость учета современных способов собирания доказательств, которые расширяют традиционные рамки. Позиция С.В. Кузьмина дополняет эти взгляды, акцентируя внимание на роли вопросов как ключевого элемента познавательной деятельности следователя. Его подход подчеркивает, что эффективность следственных действий напрямую зависит от умения следователя формулировать четкие и целенаправленные вопросы, что особенно важно при осмотре места происшествия, допросах и экспертизах.

Таким образом, познавательная функция следственных действий реализуется через их процессуальную регламентацию и активное использование гносеологических инструментов, таких как вопросы и криминалистические программы, что позволяет оптимизировать процесс расследования и повысить его результативность.

Информационно-аналитическое обеспечение следственных действий представляет собой систему мер по сбору, обработке, анализу и использованию информации, необходимой для эффективного расследования преступлений. Современные информационные технологии позволяют создавать автоматизированные системы поддержки принятия решений, базы данных типовых следственных ситуаций, экспертные системы для анализа доказательств. Развитие таких систем требует интеграции усилий процессуалистов, криминалистов и специалистов в области информационных технологий.

1.3 Виды следственных действий, направленных на познание обстоятельств дела

Виды следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе РФ подробно регламентированы в Главе 19, начиная с общих правил в статье 164 и охватывая конкретные процедуры в последующих статьях. Осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент регулируются статьями 176-181, включая осмотр трупа и эксгумацию (статья 178), обыск, выемка – статьями 182-184, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – статьями 185-186.1. Допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний детализированы в статьях 187-194, включая особенности использования видеоконференц-связи (статья 189.1). Производство судебной экспертизы охватывает статьи 195-207, регулируя назначение, проведение и допрос эксперта, что делает эту главу центральным звеном для практического применения предварительного расследования.

З.Л. Шхагапсоев уточняет, что «выделяются следующие виды следственных действий:

- осмотр (места происшествия, местности, жилища, помещения, предмета, документов, трупа, почтово-телеграфных отправлений);
- освидетельствование (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего);
- следственный эксперимент (по установлению возможности восприятия каких-либо фактов; по установлению возможности совершения определенных действий; по установлению наступления каких-либо событий; по установлению последовательности происшедшего события и механизма образования следов);
- обыск (жилища, помещений, местности, личности);
- выемка (предметов, документов, почтово-телеграфных отправлений);

- контроль и запись переговоров (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля);
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- допрос (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста);
- очная ставка (между свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми и т.п.);
- опознание (живых лиц, трупа, предметов, участков местности, транспортных средств);
- проверка показаний на месте (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля);
- назначение и производство судебной экспертизы» [31, с. 188].

Исследователь справедливо замечает, что «помимо перечисленных процессуальных действий, имеются и иные действия, которые процессуалисты и ряд криминалистов в той или иной мере относят к следственным действиям (задержание подозреваемого, получение образцов для сравнительного исследования, эксгумация трупа, наложение ареста на имущество)» [31, с. 188].

Однако их включение в перечень следственных действий остается дискуссионным среди процессуалистов и криминалистов, поскольку эти действия могут носить организационный или обеспечительный характер.

Современная классификация следственных действий должна учитывать не только их процессуальную форму, но и функциональное назначение, технические особенности производства, степень вторжения в права граждан. Традиционное деление на вербальные и невербальные следственные действия дополняется классификацией по степени применения технических средств, что особенно актуально в условиях цифровизации расследования.

Отдельного внимания заслуживает группа следственных действий, связанных с получением биологических образцов и биометрической информации, что требует специального правового регулирования.

Для более глубокого понимания роли следственных действий в познании обстоятельств дела целесообразно обратиться к их поисково-познавательной сущности, как это обосновывает Т.В. Горбенко в своей работе.

Исследователь подчеркивает, что следственные действия представляют собой совокупность поисковых, познавательных, организационных и удостоверительных операций, направленных на выявление, восприятие и закрепление доказательственной информации [9, с. 193]. Т.В. Горбенко предлагает выделить поисково-познавательные следственные действия как отдельную группу, включая в нее все действия, предусмотренные УПК РФ, за исключением наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, которое, по ее мнению, носит преимущественно организационно-удостоверительный характер и не связано с поисковыми или познавательными операциями [9, с. 197].

Такой подход, по аргументации исследователя, ориентирован на эффективное раскрытие и расследование преступлений, поскольку только через комплексное выполнение поисковых и познавательных операций возможно выявление фактических данных, приобретающих доказательственное значение в ходе расследования [9, с. 183].

Т.В. Горбенко особо акцентирует внимание на том, что поисково-познавательная деятельность лежит в основе большинства следственных действий, обеспечивая их направленность на установление обстоятельств дела. Исследователь предлагает рассматривать поисковые и познавательные операции не изолированно, а в комплексе, так как, по мнению ученого, только совместное их выполнение позволяет выявить юридически значимые обстоятельства, анализировать их и преобразовывать в доказательства [9, с. 195]. Например, Т.В. Горбенко подробно описывает познавательные и

поисковые аспекты каждого следственного действия, предусмотренного УПК РФ:

- допрос сочетает познавательный аспект (получение информации от допрашиваемого путем постановки вопросов и выбора тактики) и поисковый (выявление новой информации, имеющей значение для дела, через расширение круга вопросов);
- осмотр включает изучение обстановки, объектов и следов преступления (познавательный аспект) и их обнаружение с последующей фиксацией (поисковый аспект);
- освидетельствование направлено на установление наличия или отсутствия на теле человека следов, особых примет или признаков преступления (познавательный аспект), а также выявление таких признаков, как состояние опьянения или иные свойства (поисковый аспект);
- следственный эксперимент предполагает воспроизведение действий или обстоятельств события (познавательный аспект) и выявление новой информации, имеющей значение для расследования (поисковый аспект);
- обыск сочетает обследование помещений для изучения обстановки (познавательный аспект) и обнаружение предметов или документов, значимых для дела (поисковый аспект);
- выемка включает получение информации о местонахождении предметов (познавательный аспект) и их обнаружение с изъятием (поисковый аспект);
- контроль и запись переговоров предполагает прослушивание для получения информации (познавательный аспект) и установку или изъятие технических средств с данными (поисковый аспект);
- очная ставка направлена на допрос лиц с противоречивыми показаниями (познавательный аспект) и выявление причин этих противоречий (поисковый аспект);

- предъявление для опознания включает сравнение объектов или лиц с представленными для опознания (познавательный аспект) и поиск схожих объектов или лиц для предъявления (поисковый аспект);
- проверка показаний на месте предполагает воспроизведение обстановки и обстоятельств события (познавательный аспект) и обнаружение указанных лицом предметов или следов (поисковый аспект);
- назначение судебной экспертизы сочетает изучение следов и объектов для установления обстоятельств дела (познавательный аспект) и поиск с фиксацией следов для исследования (поисковый аспект) [9, с. 197-198].

Т.В. Горбенко также подчеркивает, что познавательный аспект следственных действий чаще всего проявляется в приобретении знаний о расследуемом событии, постижении закономерностей совершения преступления, включая его механизм, способы и причины. Поисковый аспект, в свою очередь, выражается в стремлении обнаружить предметы, следы или документы, имеющие значение для дела, а также в действиях, направленных на раскрытие скрытой информации [9, с. 198]. Эта комплексная природа поисково-познавательных действий, по мнению автора, делает их основой для эффективного расследования, позволяя не только собирать доказательства, но и реконструировать юридически значимые обстоятельства преступления.

Интеграция поисковых и познавательных аспектов следственных действий обеспечивается системностью их применения в рамках общей стратегии расследования. Изолированное выполнение отдельных следственных действий без учета их взаимосвязи и взаимодополняемости существенно снижает эффективность расследования. Планирование следственных действий должно основываться на анализе следственной ситуации, прогнозировании возможных результатов и оценке их влияния на общий ход расследования. Системный подход к организации следственных

действий предполагает их координацию с оперативно-розыскными мероприятиями и экспертными исследованиями.

Для дальнейшей систематизации можно обратиться к классификациям, предложенным другими исследователями. Например, М.А. Чельцов выделяет две группы следственных действий: первая направлена на сбор информации о преступлении и лицах, его совершивших, а вторая – на собирание доказательств, подтверждающих причастность конкретного лица и обеспечивающих применение уголовно-правовых норм [29, с. 98]. Т.Н. Добровольская и А.А. Чувилев делят следственные действия по их назначению: на те, что направлены на собирание и проверку доказательств (допрос, очная ставка, выемка, опознание, экспертиза и другие), и те, что сочетают собирание доказательств с организационно-поисковыми мероприятиями (осмотр, обыск, задержание) [12, с. 36]. Эти подходы подчеркивают многоаспектность следственных действий и их ориентацию на познание обстоятельств дела.

Перспективы развития института следственных действий связаны с необходимостью адаптации к изменяющимся условиям современного общества и новым формам преступности. Транснациональный характер многих преступлений требует гармонизации процедур производства следственных действий с международными стандартами и обеспечения их результатов доказательственной силой в зарубежных юрисдикциях. Развитие дистанционных технологий создает возможности для производства отдельных следственных действий в режиме видеоконференц-связи, что требует разработки соответствующих процессуальных гарантий. Экологические преступления, киберпреступность, преступления в сфере высоких технологий ставят новые задачи перед институтом следственных действий, решение которых требует дальнейшего развития теоретических основ и практических рекомендаций.

Таким образом, следственные действия, направленные на познание обстоятельств дела, представляют собой сложный процесс, объединяющий

поисковые и познавательные операции. Их классификация, основанная на поисково-познавательной сущности, позволяет выделить ключевую роль этих действий в уголовном процессе, обеспечивая всестороннее и объективное расследование.

Итак, первая глава исследования посвящена систематическому анализу понятия, познавательной функции и классификации следственных действий, выявляя их значение для уголовного судопроизводства.

Следственные действия представляют собой строго регламентированные УПК РФ процедуры, выполняемые уполномоченными субъектами для собирания, проверки и оценки доказательств, сочетая познавательную, принудительную и удостоверительную функции. Их сущность заключается в обеспечении расследования преступлений, однако терминологическая неопределенность из-за отсутствия законодательного определения затрудняет единообразное правоприменение. Современные реалии, включая цифровизацию, требуют переосмысления классификации следственных действий и усиления процессуальных гарантий для баланса между эффективностью расследования и защитой прав граждан, особенно в условиях применения принудительных мер.

Познавательная функция следственных действий обеспечивает установление истины через целенаправленные собирание, проверку и закрепление доказательств, опираясь на принципы объективности, всесторонности и полноты. Эффективность этой функции зависит от использования криминалистических программ и четкой постановки вопросов, направляющих расследование, однако расширение альтернативных способов собирания доказательств снижает их исключительную роль, требуя четкого разграничения. Внедрение цифровых технологий, таких как биометрия и искусственный интеллект, открывает новые возможности, но подчеркивает необходимость адаптации процессуальных норм. Психологические аспекты, включая профессиональную деформацию следователей, требуют внимания для повышения качества познавательной деятельности.

Следственные действия, предусмотренные главой 19 УПК РФ (осмотр, допрос, экспертиза и другие), объединяют поисковые и познавательные операции, обеспечивая выявление и закрепление доказательств.

Их классификация осложняется включением организационно-обеспечительных процедур, что требует уточнения их правовой природы. Развитие киберпреступности и транснациональных угроз подчеркивает важность гармонизации процедур с международными стандартами и внедрения дистанционных технологий.

Системный подход, включающий координацию с оперативно-розыскными мероприятиями и экспертизами, необходим для повышения эффективности расследования, особенно в условиях современных вызовов, требующих гибкости и адаптации.

Глава 2 Процессуальная характеристика следственных действий

2.1 Нормативное регулирование следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве

В российском уголовном процессе следственные действия занимают центральное место, обеспечивая собирание доказательств. Их правовое регулирование опирается на ряд нормативно-правовых актов, которые формируют процессуальные рамки, гарантируют защиту прав граждан и определяют познавательную функцию этих действий.

Основой для такого регулирования служит Конституция Российской Федерации, которая задает фундаментальные принципы законности и защиты прав личности. Статья 45 Конституции гласит: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» [15]. Эта норма подчеркивает обязанность государства обеспечивать соблюдение прав участников уголовного процесса, включая право на неприкосновенность личности и жилища, что особенно важно при проведении таких следственных действий, как обыск или выемка. Конституционные гарантии создают основу для процессуальных ограничений, направленных на предотвращение произвола со стороны органов следствия.

Конституционные принципы получают развитие в статье 22, устанавливающей недопустимость ареста, заключения под стражу и содержания под стражей иначе как по судебному решению, а также в статье 25, гарантирующей неприкосновенность жилища. Эти положения непосредственно влияют на порядок проведения следственных действий, требуя от законодателя создания четких процедурных гарантий. Особую значимость приобретает статья 51 Конституции РФ, закрепляющая право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, что находит отражение в процедурах допроса и очной ставки. Реализация конституционных норм в уголовно-процессуальном

законодательстве обеспечивает системность правового регулирования следственных действий.

Основным нормативным актом, регулирующим следственные действия, является Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) [25]. Как уже было отмечено выше, виды следственных действий в УПК РФ регламентированы в Главе 19.

Статья 164 УПК РФ устанавливает общие правила проведения следственных действий, подчеркивая их процессуальную природу и необходимость строгого соблюдения закона. Согласно этой статье, такие действия, как осмотр трупа, эксгумация, обыск и выемка, проводятся на основании постановления следователя, а в ряде случаев – только с судебного разрешения. Это требование отражает стремление законодателя минимизировать риск злоупотреблений и обеспечить контроль со стороны независимого судебного органа.

Структура УПК РФ отражает системный подход к регулированию следственных действий. Помимо общих правил, установленных в статье 164, каждое конкретное следственное действие регламентируется отдельными статьями, содержащими специальные требования. Например, статья 176 детально регулирует порядок осмотра, статья 177 – эксгумацию, статья 178 – освидетельствование. Такая дифференциация норм позволяет учесть специфику каждого следственного действия, обеспечивая адекватность правового регулирования познавательным задачам и особенностям доказательственной деятельности. Взаимосвязь общих и специальных норм создает целостную систему процессуального регулирования.

Особое внимание УПК РФ уделяет недопустимости применения насилия, угроз или иных незаконных мер при производстве следственных действий (ч. 4 ст. 164). Кроме того, законодатель устанавливает запрет на проведение следственных действий в ночное время, за исключением экстренных ситуаций, что также способствует соблюдению прав граждан.

Временные ограничения проведения следственных действий имеют важное значение для обеспечения прав участников процесса. Согласно части 3 статьи 164 УПК РФ, следственные действия проводятся в дневное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Под дневным временем понимается период с 6 до 22 часов по местному времени. Данное ограничение направлено на защиту права граждан на отдых и неприкосновенность частной жизни. Однако закон предусматривает исключения для неотложных ситуаций, таких как необходимость пресечения продолжающегося преступления или предотвращения уничтожения следов. В таких случаях следователь обязан мотивировать свое решение о проведении следственного действия в ночное время в соответствующем постановлении.

Одним из ключевых элементов, обеспечивающих законность и достоверность следственных действий, является их обязательное протоколирование. Статья 166 УПК РФ детально регламентирует порядок составления протокола, который должен быть подготовлен в ходе следственного действия или сразу после его окончания. Протокол фиксирует не только ход и результаты действия, но и такие важные детали, как место и время его проведения, данные участников, примененные технические средства (например, аудио- или видеозапись) и их результаты. Это делает протокол важнейшим документом, который служит доказательством в уголовном деле и подлежит тщательной проверке на стадии судебного разбирательства.

Требования к содержанию протокола следственного действия носят императивный характер и направлены на обеспечение полноты и достоверности фиксации. В протоколе должны быть указаны место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии. Особое внимание уделяется описанию действий в том порядке, в каком они производились, выявленных существенных для дела обстоятельств, а также

заявлений лиц, участвовавших в следственном действии. Нарушение этих требований может повлечь признание протокола недопустимым доказательством, что подчеркивает их процессуальную значимость.

Протоколирование также включает право участников следственного действия делать замечания и дополнения, которые должны быть зафиксированы и удостоверены их подписями (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). В случае отказа от подписания протокола (например, со стороны подозреваемого или свидетеля) следователь обязан внести соответствующую запись, а также предоставить лицу возможность объяснить причины отказа (ст. 167 УПК РФ). Эти меры обеспечивают прозрачность процесса и минимизируют риск фальсификации данных.

Механизм обеспечения достоверности протокола включает несколько уровней контроля. Во-первых, участники следственного действия имеют право ознакомиться с протоколом и сделать замечания о дополнении и уточнении протокола. Все внесенные замечания подлежат обязательному рассмотрению следователем, который либо удовлетворяет их, внося соответствующие изменения, либо отклоняет с обоснованием причин отказа. Во-вторых, при отказе участника подписать протокол следователь не только фиксирует этот факт, но и обязан выяснить и записать мотивы отказа. В-третьих, копия протокола вручается участникам следственного действия по их требованию, что обеспечивает дополнительный контроль за правильностью фиксации. Эти механизмы направлены на минимизацию субъективизма и обеспечение объективности протоколирования.

В последние годы законодатель уделяет особое внимание следственным действиям, связанным с преступлениями в сфере экономической деятельности. Часть 4.1 статьи 164 УПК РФ, введенная в 2018 году, устанавливает дополнительные ограничения на изъятие электронных носителей информации при расследовании таких преступлений, как мошенничество, растрата или незаконное предпринимательство. Эти ограничения направлены на защиту законной деятельности предпринимателей

и предотвращение необоснованного приостановления работы юридических лиц. Например, изъятие электронных носителей допускается только в строго определенных случаях, таких как наличие судебного решения или необходимость проведения экспертизы. Более того, статья 164.1 УПК РФ предусматривает обязательное участие специалиста при изъятии таких носителей и возможность копирования информации для передачи владельцу, что снижает негативное воздействие следственных действий на бизнес-процессы.

Специальный порядок изъятия электронных носителей информации отражает стремление законодателя найти баланс между потребностями расследования и защитой предпринимательской деятельности. Согласно статье 164.1 УПК РФ, при изъятии электронных носителей информации следователь обязан в присутствии специалиста и лиц, у которых производится изъятие, или их представителей провести копирование информации. Копии предоставляются указанным лицам, что позволяет им продолжать хозяйственную деятельность. Изъятые оригинальные носители подлежат возврату в течение шести месяцев, если не требуется проведения экспертизы. Данная процедура направлена на минимизацию экономического ущерба от следственных действий при сохранении возможности полноценного расследования преступлений в экономической сфере.

Судебный контроль играет важную роль в обеспечении законности следственных действий. Согласно статье 165 УПК РФ, ряд действий, таких как обыск в жилище или наложение ареста на имущество, требуют предварительного судебного разрешения. Суд рассматривает ходатайство следователя или дознавателя в течение 24 часов, что гарантирует оперативность процесса при сохранении независимого контроля. В исключительных случаях, когда промедление недопустимо (например, при угрозе уничтожения доказательств), следственные действия могут быть проведены без судебного решения, но с последующим уведомлением суда в течение трех суток. Если суд признает такое действие незаконным, все

полученные доказательства считаются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), что подчеркивает строгость процессуальных требований.

Система судебного контроля за следственными действиями представляет собой важную гарантию защиты конституционных прав граждан. Перечень следственных действий, требующих судебного разрешения, определен исчерпывающим образом в части 2 статьи 29 УПК РФ и включает, в частности: обыск, выемку в жилище; личный обыск; выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; выемку корреспонденции; наложение ареста на имущество. Судебное решение должно содержать мотивировку необходимости производства следственного действия, ссылки на материалы уголовного дела, подтверждающие обоснованность ходатайства, а также четкое определение предмета и объема предполагаемого следственного действия, что обеспечивает превентивный контроль за соблюдением прав граждан.

Современные следственные действия активно используют технические средства, такие как фотографирование, видеозапись или копирование данных с электронных носителей. Их применение строго регламентировано: следователь обязан заранее уведомить участников о намерении использовать такие средства и зафиксировать это в протоколе (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Это не только повышает объективность фиксации, но и укрепляет доказательственную базу.

Использование технических средств при производстве следственных действий регулируется не только общими нормами УПК РФ, но и специальными ведомственными актами, определяющими порядок применения конкретных технических устройств. К техническим средствам относятся средства фотографирования, видеозаписи, звукозаписи, измерительные приборы, поисковые технические средства и другие. Важным требованием является обеспечение достоверности и неизменности зафиксированной с помощью технических средств информации. Для этого

применяются специальные процедуры опечатывания носителей информации, составления описей, удостоверения подлинности материалов подписями участников следственного действия. Нарушение порядка применения технических средств может повлечь признание полученных доказательств недопустимыми.

Кроме того, следователь вправе привлекать к участию в следственных действиях сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 7 ст. 164 УПК РФ). Это особенно актуально при проведении сложных действий, таких как обыск или задержание, где требуется оперативная поддержка. Однако такое участие также подлежит фиксации в протоколе, что обеспечивает контроль за законностью их действий.

Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативно-розыскных органов при производстве следственных действий имеет свои особенности, связанные с различием процессуальных статусов и полномочий этих субъектов. Сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привлекаются к участию в следственных действиях для обеспечения безопасности участников, предотвращения противодействия расследованию, оказания технической помощи. При этом они действуют под руководством следователя и не имеют самостоятельных процессуальных полномочий в рамках следственного действия. Их участие должно быть обосновано конкретными обстоятельствами дела и отражено в постановлении о производстве следственного действия. Это обеспечивает прозрачность взаимодействия и исключает подмену процессуальной деятельности оперативно-розыскной.

УПК РФ предусматривает меры для защиты прав участников следственных действий. Например, следователь обязан удостовериться в личности участников, разъяснить им их права и обязанности, а также предупредить о возможной ответственности за дачу ложных показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). В случаях, когда участие в следственном действии может представлять угрозу для жизни или безопасности свидетеля, потерпевшего

или их близких, допускается использование псевдонима и сокрытие персональных данных (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Эти меры, введенные в 2015 году, отражают стремление законодателя обеспечить безопасность участников процесса.

Система защиты прав участников следственных действий включает как общие гарантии, распространяющиеся на всех участников, так и специальные меры защиты отдельных категорий лиц. К общим гарантиям относятся: право знать, в каком качестве лицо привлекается к участию в следственном действии; право отказаться от дачи показаний против себя и своих близких родственников; право на переводчика; право приносить жалобы на действия следователя. Специальные меры защиты предусмотрены для потерпевших и свидетелей, которым угрожает опасность: применение псевдонима, исключение данных о личности из протокола, проведение следственного действия в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Эти меры обеспечивают баланс между потребностями расследования и обеспечением безопасности участников процесса.

Дополнением к нормам УПК РФ служат разъяснения высших судебных органов, среди которых особое значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [19], которое представляет собой ключевой документ, обеспечивающий единообразное применение норм уголовно-процессуального законодательства при проведении следственных действий, затрагивающих права на неприкосновенность жилища, частную собственность, тайну переписки и другие конституционные гарантии. Постановление уточняет порядок рассмотрения судами ходатайств следователей и дознавателей о производстве таких действий, как обыск, выемка или наложение ареста на имущество. Постановление акцентирует внимание на балансе между интересами следствия и защитой прав личности, требуя от судов тщательной проверки

соответствия ходатайств закону и обоснованности ограничений прав граждан. Особое значение придается случаям, не терпящим отлагательства, где действия могут проводиться без предварительного судебного решения, но подлежат последующей проверке. Документ также разъясняет особенности выемки медицинских и банковских данных, подчеркивая необходимость судебного контроля в большинстве случаев. Таким образом, постановление № 19 служит важным ориентиром для судов, усиливая гарантии законности и справедливости в уголовном процессе.

В части оперативной подготовки следственных действий важную роль играет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Он регулирует мероприятия, которые часто предшествуют следственным действиям, обеспечивая получение первичной информации. Статья 6 этого закона устанавливает, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации [27]. Это положение подчеркивает различие между оперативно-розыскной и процессуальной (следственной) деятельностью, акцентируя необходимость их согласования для достижения познавательной цели уголовного процесса.

Разграничение оперативно-розыскной и следственной деятельности имеет принципиальное значение для понимания места следственных действий в системе уголовно-процессуального доказывания. Результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами в уголовном процессе, но могут использоваться для обнаружения признаков преступления, причин и

условий, способствовавших совершению преступлений, а также для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Для придания материалам оперативно-розыскной деятельности доказательственного значения они должны быть проверены и закреплены в рамках следственных действий. Такое разграничение обеспечивает соблюдение принципа состязательности и равноправия сторон, поскольку следственные действия, в отличие от оперативно-розыскных мероприятий, проводятся с соблюдением процессуальных гарантий и прав участников.

Значимую роль играет Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [26], который определяет полномочия сотрудников полиции при содействии в проведении следственных действий, закрепляя в статье 13 обязанность полиции обеспечивать безопасность участников процесса и содействовать следователям, например, при обыске или задержании, что напрямую связано с положениями статьи 164 УПК РФ о привлечении должностных лиц к следственным действиям (ч. 7).

Роль полиции в обеспечении производства следственных действий не ограничивается простым содействием, но включает выполнение специальных функций по обеспечению безопасности и правопорядка. Согласно статье 13 Федерального закона «О полиции», полиция обязана обеспечить безопасность граждан и общественный порядок на объектах жилищного фонда, в помещениях и на территориях предприятий, учреждений и организаций [26]. Это полномочие приобретает особое значение при производстве таких следственных действий, как обыск, выемка, следственный эксперимент, где может возникнуть противодействие со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, полиция оказывает содействие в розыске лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, что важно для обеспечения явки участников следственных действий. Взаимодействие следователя с полицией должно осуществляться в рамках закона и не подменять процессуальную деятельность следователя административными мерами.

Анализ нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод, что следственные действия представляют собой комплексную систему, где познавательная функция реализуется через строгую регламентацию, обеспечивающую собирание достоверных доказательств, а баланс между интересами следствия и правами граждан достигается благодаря многоуровневому правовому регулированию, включая судебный контроль и поддержку оперативных органов.

2.2 Принципы и условия проведения следственных действий

Следственные действия, являясь ключевым инструментом уголовного судопроизводства, направлены на установление обстоятельств преступления посредством целенаправленного собирания, проверки и закрепления доказательственной информации. Их эффективность и законность обеспечиваются соблюдением определенных принципов и условий, которые формируют правовую и методологическую основу их производства. Эти принципы и условия, опирающиеся на нормы УПК РФ, теоретические разработки криминалистики и научные подходы, гарантируют достижение целей расследования при строгом соблюдении прав и законных интересов участников процесса.

Теоретическая основа принципов следственных действий формировалась в процессе развития науки уголовного процесса и криминалистики. Первоначально принципы рассматривались преимущественно как процессуальные требования, однако с развитием криминалистической методики и тактики стало очевидным, что они имеют более широкое содержание, включающее тактические, психологические и организационные аспекты. Современное понимание принципов следственных действий как системы взаимосвязанных требований, обеспечивающих достижение познавательных целей расследования, сформировалось под влиянием работ по теории доказательств, криминалистической тактике и

уголовно-процессуальному праву. Это системное понимание позволяет рассматривать принципы не как изолированные требования, а как элементы единой методологической основы следственной деятельности.

Сущность принципов следственных действий заключается в их способности отражать закономерности деятельности следователя, связанной с выбором, организацией и проведением этих процедур. Ю.С. Комягина подчеркивает: «Принцип следственного действия – это закономерность деятельности следователя, связанной с выбором, организацией или производством следственного действия» [14, с. 136]. Данная формулировка акцентирует как научное, так и практическое значение принципов, которые выполняют системообразующую функцию, структурируя деятельность следователя и обеспечивая её соответствие нормативным требованиям и гносеологическим целям.

Законность выступает основополагающим принципом, обеспечивающим строгое соблюдение норм материального и процессуального права. Этот принцип исключает применение недопустимых методов, таких как насилие, угрозы или обман, и требует точного следования положениям УПК РФ. Как отмечает Ю.С. Комягина, «в приложении к следственным действиям законность означает точное и последовательное соблюдение обязанностей нормального применения норм материального и процессуального права всеми участниками уголовного процесса» [14, с. 140]. Это подразумевает недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением процессуальных норм, что закреплено в статье 75 УПК РФ, где такие доказательства признаются лишенными юридической силы, а также запрет на применение нормативных актов, противоречащих УПК РФ.

Обеспечение гармоничного сочетания публичных и частных интересов отражает двойственную природу уголовного судопроизводства. Публичные интересы связаны с задачами уголовного преследования и назначения справедливого наказания виновным, тогда как частные интересы направлены на защиту прав и законных интересов потерпевших, подозреваемых и

обвиняемых. Ф.Н. Багаутдинов подчеркивает важность этого баланса, утверждая, что «обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений требует сбалансированного подхода, исключающего односторонний приоритет одного над другим» [6, с. 11]. Данный принцип требует от следователя избегать обвинительного уклона и учитывать обстоятельства, смягчающие ответственность, например, при проведении допроса, где установление психологического контакта способствует получению достоверной информации с уважением к правам участника.

Своевременность подчеркивает необходимость проведения следственных действий в установленные законом сроки, особенно в ситуациях, не терпящих отлагательства, таких как осмотр места происшествия, чтобы минимизировать риск утраты доказательств. Взаимодействие следователя с сотрудниками органов дознания, специалистами и экспертами также является важным принципом, способствующим эффективному использованию профессиональных знаний и технических средств. А.В. Дулов акцентирует внимание на роли принципов в организации деятельности: «В роли принципа выступают не всякие законы, а только те, которые организуют эмпирический материал, носят не локальный, а наиболее общий характер» [13, с. 33]. Это подчеркивает значение системного подхода к координации усилий различных субъектов в процессе следственных действий.

К ненормативным принципам относятся философские, логические, психологические и криминалистические аспекты, которые дополняют нормативную основу. Системность предполагает четкое структурирование следственного действия, включая определение его субъектов, объектов, целей и задач. Динамичность выражается в постадийном характере производства действий с возможностью корректировки плана в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Индивидуальность требует адаптации научных рекомендаций к конкретным особенностям дела, включая

личностные характеристики участников и обстоятельства преступления. Психологические принципы, такие как установление контакта с участниками и изучение их поведения, играют ключевую роль, особенно при проведении вербальных следственных действий. Ю.С. Комягина уточняет: «Установление и поддержание психологического контакта – не тактическое условие допроса и тем более не его прием, а именно правило допроса в виде должной психологической модели производства следственного действия» [14, с. 137]. Криминалистические принципы, включая внезапность и конспиративность, обеспечивают сохранение следственной тайны и повышают эффективность действий, таких как обыск.

Условия проведения следственных действий представляют собой совокупность нормативных и организационных требований, обеспечивающих их законность и результативность. В.С. Неясова отмечает: «Осуществление следственных действий требует соблюдения формальных условий, таких как наличие постановления следователя или суда, что гарантирует их соответствие нормам УПК РФ» [18, с. 666]. Ключевым условием является наличие правовых оснований, закрепленных в статье 164 УПК РФ, например, судебное разрешение для обыска в жилище или наложения ареста на имущество, за исключением экстренных случаев с последующим уведомлением суда.

М.В. Давыдовская подчеркивает: «Обязательное разъяснение прав участникам следственного действия и фиксация результатов в протоколе являются неотъемлемыми элементами, обеспечивающими достоверность и процессуальную ценность полученных данных» [10, с. 174]. Протоколирование, регламентированное статьями 166-167 УПК РФ, включает подробное описание места, времени, участников, примененных технических средств и полученных данных, а участники имеют право вносить замечания, что повышает объективность документа.

В условиях цифровизации использование технических средств становится неотъемлемой частью следственной практики. В.С. Неясова акцентирует: «Применение технических средств для фиксации и изъятия

следов преступления должно быть нормативно закреплено в УПК РФ, чтобы обеспечить их допустимость в качестве доказательств» [18, с. 669]. Это требует обязательной фиксации в протоколе факта использования видеозаписи или копирования данных с электронных носителей для подтверждения их юридической силы.

Вовлечение специалистов, экспертов и сотрудников оперативно-розыскных органов является важным условием для сложных следственных действий, таких как обыск или осмотр места происшествия, обеспечивая профессиональную поддержку и качество фиксации доказательств. Их участие должно быть строго регламентировано и отражено в протоколе, чтобы исключить нарушения процессуальных норм.

Отсутствие в УПК РФ четкого определения «следственных действий» и исчерпывающего их перечня, как указывает В.С. Неясова, «создает значительную правовую неопределенность» [18, с. 666], что подчеркивает необходимость дальнейших теоретических и законодательных разработок. Ю.С. Комягина дополняет, что система принципов имеет дидактическое значение, обеспечивая основу для профессиональной подготовки следователей и интегративный подход к изучению криминалистики [14, с. 144].

Таким образом, принципы и условия проведения следственных действий формируют комплексную систему, обеспечивающую их законность, эффективность и соответствие целям уголовного судопроизводства. Законность, своевременность, баланс публичных и частных интересов, системность, динамичность и индивидуальность составляют методологическую основу их реализации. Условия, включая правовые основания, протоколирование, использование технических средств и привлечение специалистов, гарантируют достоверность и прозрачность процесса, обеспечивая реализацию познавательной функции следственных действий при строгом соблюдении прав участников.

Итак, вторая глава исследования посвящена процессуальной характеристике следственных действий, раскрывая их правовую и

методологическую основу в российском уголовном судопроизводстве. Анализ позволил систематизировать ключевые аспекты нормативного регулирования и принципов проведения следственных действий, подчеркнув их значение для достижения целей уголовного процесса при строгом соблюдении прав участников.

Нормативное регулирование следственных действий опирается на Конституцию РФ, гарантирующую защиту прав личности, и УПК РФ, устанавливающий строгие правила их проведения. Требования к протоколированию, судебному контролю и применению технических средств, а также особые ограничения при расследовании экономических преступлений обеспечивают баланс между интересами следствия и правами граждан. Дополняют правовую основу Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции» и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, формируя комплексную систему, направленную на законность и достоверность доказательств.

Принципы и условия проведения следственных действий составляют методологическую основу их реализации. Законность, своевременность и баланс публичных и частных интересов, наряду с ненормативными принципами, такими как системность, динамичность и индивидуальность, обеспечивают структурированную и эффективную деятельность следователя. Условия, включая наличие правовых оснований, обязательное протоколирование, использование технических средств и привлечение специалистов, гарантируют прозрачность и достоверность процесса. Отсутствие четкого законодательного определения следственных действий подчеркивает необходимость дальнейших теоретических и нормативных разработок.

Глава 3 Система следственных действий

3.1 Понятие, структура и классификация системы следственных действий

Система следственных действий является ключевым элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающим эффективное расследование преступлений посредством процессуальных механизмов, направленных на собирание и закрепление доказательств. Ее значение заключается в способности интегрировать различные виды процессуальных действий в единый, целенаправленный процесс, ориентированный на установление объективной истины по уголовному делу. В связи с этим необходимо раскрыть сущность системы следственных действий, ее структуру и классификацию, что позволит раскрыть особенности взаимодействия элементов системы и их роль в достижении целей правосудия.

Система следственных действий представляет собой целостную, иерархически организованную совокупность процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве. Ее системный характер определяется взаимосвязью элементов, объединенных общей целью – установлением истины по уголовному делу. Как отмечает П.А. Лупинская, «следственные действия образуют систему, включающую взаимосвязанные элементы, такие как осмотр, допрос, обыск, направленные на достижение единой цели – раскрытие и расследование преступления» [17, с. 86]. Эта целостность проявляется в том, что каждое действие не существует изолированно, а выполняет функцию в общей структуре расследования, обеспечивая последовательность и логическую взаимосвязь этапов.

Структурная организация системы следственных действий базируется на принципе иерархического построения, где каждый элемент занимает определенное место в общей архитектуре процессуального доказывания.

Данная иерархия проявляется в различных уровнях правовой регламентации действий: от базовых, не требующих дополнительных разрешений (осмотр места происшествия), до сложных, нуждающихся в судебном санкционировании (обыск в жилище). Такое построение обеспечивает баланс между эффективностью расследования и защитой конституционных прав граждан, создавая механизм постепенного усиления процессуального вмешательства в зависимости от тяжести преступления и конкретных обстоятельств дела.

Функциональная составляющая системы определяется спецификой каждого следственного действия и его ролью в общем процессе доказывания. Одни действия ориентированы на первичное обнаружение и фиксацию следов преступления (осмотр, освидетельствование), другие – на получение вербальной информации от участников процесса (допрос, очная ставка), третьи – на экспертное исследование собранных материалов (назначение экспертизы). Эта функциональная дифференциация позволяет следователю выстраивать оптимальную последовательность действий, учитывая специфику расследуемого преступления и имеющуюся доказательственную базу.

В.Ю. Стельмах подчеркивает динамичность системы: «Система следственных действий должна быть гибкой, позволяя следователю адаптировать их к специфике конкретного дела, особенно на стадии предварительного расследования» [22, с. 45]. Гибкость системы обусловлена возможностью выбора действий в зависимости от следственной ситуации, что делает ее адаптивной к разнообразным обстоятельствам дела. Однако отсутствие законодательной дефиниции термина «следственное действие» в УПК РФ создает правовую неопределенность, затрудняя понимание границ системы.

Проблема правовой определенности границ системы усугубляется отсутствием единых подходов к толкованию содержания отдельных следственных действий. В правоприменительной практике возникают споры о

том, какие конкретно процедуры следует относить к следственным действиям, а какие представляют собой иные процессуальные действия или организационные мероприятия. Эта неопределенность особенно остро проявляется при работе с новыми технологиями и нетрадиционными объектами исследования, когда существующие нормы УПК РФ не дают четких ориентиров для квалификации совершаемых действий.

Системообразующие связи между следственными действиями проявляются в их взаимной обусловленности и последовательности. Результаты одного действия зачастую определяют необходимость и содержание последующих: данные, полученные при осмотре места происшествия, могут обусловить круг лиц, подлежащих допросу, а показания свидетелей – необходимость проведения обыска или назначения экспертизы. Такая взаимосвязь создает синергетический эффект, когда эффективность системы в целом превышает простую сумму эффективности отдельных действий.

В.Н. Яшин акцентирует эту проблему: «Многократное использование термина «следственное действие» в УПК РФ без раскрытия его содержания порождает разночтения в правоприменительной практике» [32, с. 116]. О.В. Добровлянина дополняет: «Ни статья 5, ни раздел VIII УПК РФ не содержат нормы, которая бы четко определяла, какие действия следователя относятся к следственным, что усложняет их систематизацию» [11, с. 547].

Методологическая основа структурирования системы следственных действий должна учитывать не только формально-юридические критерии, но и криминалистические аспекты их проведения. Каждое следственное действие имеет свою тактическую специфику, определяемую особенностями получаемой информации, психологическими факторами взаимодействия с участниками, техническими возможностями фиксации результатов. Эта многоаспектность требует комплексного подхода к систематизации, учитывающего как процессуальные, так и криминалистические характеристики действий.

Принцип комплементарности в системе следственных действий означает, что недостатки одного действия могут быть компенсированы преимуществами другого. Например, субъективность показаний свидетеля может быть проверена объективными данными экспертизы, а ограниченность результатов обыска – дополнена информацией, полученной при допросе. Это создает возможности для всесторонней проверки и оценки доказательств, повышая надежность выводов расследования.

Е.А. Прохорова предлагает альтернативный подход к нормативному закреплению системы: «Введение дефиниции «следственные действия» в текст закона представляется нецелесообразным; более эффективным было бы закрепление их исчерпывающего перечня и оптимизация расположения норм, как это сделано в УПК Республики Узбекистан, где нормы о следственных действиях интегрированы в раздел о доказательствах» [20, с. 161]. Такой подход, по мнению автора, позволил бы устранить пробелы в правоприменении, особенно в случаях, когда действия, такие как осмотр места происшествия, проводятся до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Отсутствие четкого перечня порождает дискуссии о включении в систему таких действий, как получение образцов или реализация вещественных доказательств, что подрывает ее структурную ясность.

И.А. Цховребова предлагает рассматривать систему следственных действий через призму их классификации, которая подчеркивает их системные связи и многоуровневую организацию. Он выделяет пять оснований классификации: наличие уголовного дела, юридическое основание, участники, технические средства и источник информации [28, с. 177]. Как пишет И.А. Цховребова, «классификация следственных действий позволяет не только упорядочить их в рамках уголовного процесса, но и выявить их процессуальную и тактическую природу, что является основой для формирования эффективной системы» [28, с. 177]. Например, возможность проведения осмотра места происшествия или получения образцов до возбуждения дела обеспечивает гибкость системы на начальном этапе

расследования, позволяя оперативно фиксировать доказательства. Юридическое основание, в свою очередь, формирует иерархию: «Действия, требующие судебного решения, такие как обыск в жилище, подчеркивают строгую процессуальную регламентацию, тогда как осмотр места происшествия может проводиться без дополнительных формальностей» [28, с. 179]. Эта иерархия обеспечивает баланс между оперативностью и защитой прав участников.

Участники следственных действий образуют динамическую подсистему, где каждый выполняет специфическую роль. И.А. Цховребова подчеркивает: «Присутствие понятых и специалистов не только обеспечивает законность, но и выполняет тактическую функцию, оказывая психологическое воздействие на участников процесса» [28, с. 181]. Например, понятые дисциплинируют подозреваемого, а специалисты гарантируют точность фиксации. Технические средства формируют техническую подсистему, обеспечивая объективность. И.А. Цховребова отмечает, что «использование сертифицированных криминалистических средств обязательно, так как личные устройства, такие как мобильные телефоны, не гарантируют достоверность фиксации» [28, с. 186]. Наконец, исследователь разделяет действия на направленные на получение материальных (осмотр, экспертиза) и вербальных (допрос, очная ставка) следов. «Материальные следы обладают объективностью, тогда как вербальные зависят от субъективного волеизъявления лица, что требует различных тактических подходов» [28, с. 189]. Эта дихотомия подчеркивает функциональное разнообразие системы, позволяя следователю выбирать оптимальные методы.

О.В. Добровлянина уточняет состав системы, подчеркивая, что она охватывает действия, предусмотренные главами 24-27 УПК РФ, такие как допрос, обыск и экспертиза, но исключает меры принуждения (задержание, арест имущества) и технические процедуры (экстумация). Она аргументирует: «Получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием, поскольку образцы содержат скрытую

доказательственную информацию, а их получение сопровождается протоколированием, что интегрирует их в систему» [11, с. 548]. Напротив, эксгумация, по ее мнению, «не направлена на непосредственное получение доказательств, а служит технической предпосылкой для последующих действий» [11, с. 548]. Эта позиция подчеркивает важность функционального критерия для включения действия в систему.

В.Н. Яшин акцентирует динамичность системы, отмечая, что она должна адаптироваться к новым вызовам, особенно в сфере цифровых технологий. «Осмотр компьютера, оформляемый как осмотр, фактически требует активного поиска информации, характерного для обыска, что нарушает системную логику и требует введения новых действий» [32, с. 122]. Эта проблема подчеркивает необходимость расширения системы для учета современных реалий, таких как работа с электронными носителями.

Системные характеристики включают целостность (единая цель – установление истины), иерархию (разные уровни процессуальной регламентации), взаимосвязь (результаты одного действия инициируют другое) и динамичность (адаптация к новым технологиям). Взаимосвязь проявляется в последовательности: осмотр места происшествия может предшествовать экспертизе, а допрос – инициировать обыск. Таким образом, система следственных действий – это не статичный перечень, а живая структура, обеспечивающая эффективность расследования через взаимодействие ее элементов.

Таким образом, система следственных действий представляет собой целостную и динамичную структуру, объединяющую процессуальные, тактические и технические элементы. Классификация И.А. Цховребовой раскрывает ее многоуровневую организацию, подчеркивая гибкость и иерархию. О.В. Добровлянина и В.Н. Яшин акцентируют необходимость четкого перечня и адаптации к цифровым технологиям, чтобы устранить правовую неопределенность. Системные характеристики – целостность,

иерархия, взаимосвязь и динамичность – обеспечивают ее эффективность, но требуют законодательной оптимизации.

3.2 Проблемы и перспективы совершенствования системы следственных действий

Система следственных действий, несмотря на строгую регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, сталкивается с системными проблемами, которые подрывают ее целостность, эффективность и доверие к уголовному судопроизводству. Анализ судебной практики и научных работ выявляет нарушения процессуальных норм, некорректную классификацию действий, недостатки в использовании современных технологий и слабую защиту прав участников процесса. Эти проблемы требуют комплексного подхода к совершенствованию системы, чтобы обеспечить ее соответствие задачам правосудия и современным вызовам.

Структурные дефициты системы следственных действий проявляются в отсутствии единообразного понимания содержания и границ отдельных процессуальных институтов. Неопределенность правового статуса ряда действий создает предпосылки для произвольного толкования норм УПК РФ, что негативно сказывается на качестве предварительного расследования. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере работы с цифровыми доказательствами, где традиционные подходы к классификации следственных действий оказываются недостаточными для регулирования новых форм криминалистической деятельности.

Процессуальные нарушения при реализации следственных действий становятся системной проблемой, подрывающей авторитет правоохранительных органов и снижающей эффективность уголовного преследования. Формальный подход к соблюдению процедурных требований, недостаточная квалификация должностных лиц, слабый контроль за качеством процессуальных документов создают условия для признания

доказательств недопустимыми и, как следствие, для вынесения оправдательных приговоров по объективно доказанным преступлениям.

Одной из центральных проблем является нарушение процессуальной подсистемы, особенно в части протоколирования, что нарушает принцип целостности системы. В Апелляционном постановлении № 22К-2424/2024 Тверского областного суда от 23 сентября 2024 года рассматривался случай обыска в жилище подозреваемого по делу о незаконном обороте наркотиков. Следователь внес в протокол сведения о найденных предметах уже после завершения обыска, что противоречило ч. 4 ст. 166 УПК РФ, требующей немедленного протоколирования. Суд отметил, что такие действия создали риск фальсификации доказательств, поскольку защита указала на несоответствие времени внесения записей и фактического хода обыска [5]. Это нарушение вызвало сомнения в объективности расследования и подорвало доверие к доказательствам, полученным в рамках системы. И.А. Цховребова подчеркивает: «Любое расхождение между протоколом и фактическим ходом следственного действия, особенно если оно не подтверждено визуальной фиксацией, может стать основанием для признания доказательств недопустимыми, что разрушает доверие к системе» [28, с. 188].

Проблема качества протоколирования имеет глубокие корни в недостаточной профессиональной подготовке следственных кадров и отсутствии эффективных механизмов контроля за соблюдением процессуальных требований. Формальное отношение к составлению процессуальных документов приводит к тому, что протоколы не отражают реальный ход следственных действий, содержат противоречивые сведения, составляются с нарушением временных рамок. Такие недостатки создают серьезные препятствия для объективной оценки доказательств и могут повлечь их исключение из числа допустимых.

Технологические вызовы современности требуют кардинального пересмотра подходов к организации и проведению следственных действий. Цифровизация всех сфер общественной жизни привела к появлению новых

видов преступлений и новых форм доказательств, для работы с которыми традиционные следственные действия оказываются недостаточно эффективными. Отсутствие специализированных процедур для работы с электронными доказательствами создает правовые пробелы и снижает качество расследования.

Кадровые проблемы в системе предварительного расследования усугубляют технологические вызовы, поскольку многие следователи не обладают необходимыми компетенциями для работы с современными информационными технологиями. Недостаточная техническая оснащенность следственных подразделений, отсутствие специализированного программного обеспечения, ограниченные возможности для привлечения экспертов создают дополнительные препятствия для эффективного использования цифровых доказательств.

Аналогичная проблема прослеживается в Апелляционном постановлении № 22-1444/2024 Верховного Суда Республики Хакасия от 25 сентября 2024 года, где по делу о мошенничестве были допущены нарушения при осмотре и допросах. Осмотр изъятых электронных устройств (ноутбуков и флеш-накопителей) проводился в ночное время без мотивировки срочности, что противоречило ч. 3 ст. 164 УПК РФ, требующей обоснования для действий в неурочное время. Кроме того, защита предоставила доказательства фальсификации протоколов допросов свидетелей: показания, зафиксированные в протоколах, не совпадали с аудиозаписями, предоставленными адвокатом. Суд признал часть доказательств недопустимыми, что привело к переквалификации обвинения [3].

Этот случай демонстрирует, как нарушения процессуальных норм разрушают взаимосвязь элементов системы, поскольку недостоверные протоколы подрывают результаты последующих действий, таких как экспертиза или очная ставка.

И.А. Цховребова акцентирует: «Идентичность между протоколом и визуальной фиксацией критически важна для сохранения целостности системы» [28, с. 188].

Нарушение иерархии системы проявляется в недостаточной мотивировке безотлагательности следственных действий, особенно обысков. В Апелляционном постановлении № 22-2540/2024 Верховного Суда Республики Крым от 29 августа 2024 года рассматривался обыск в жилище по делу о хищении бюджетных средств. Следователь провел обыск без судебного решения, сославшись на безотлагательность, но не предоставил убедительных доказательств срочности, таких как угроза уничтожения улик. Кроме того, при изъятии электронных носителей (жестких дисков и смартфонов) не был привлечен специалист, что нарушило ст. 164.1 УПК РФ, требующую участия эксперта для обеспечения сохранности данных. Суд признал обыск законным, но защита указала на слабую аргументацию и отсутствие технической компетентности, что поставило под сомнение допустимость изъятых данных [4]. И.А. Цховребова справедливо замечает, что «безотлагательные действия требуют строгого обоснования, иначе система теряет процессуальную устойчивость, а отсутствие специалистов при работе с цифровыми носителями делает доказательства уязвимыми» [28, с. 180]. Этот пример иллюстрирует, как пробелы в судебном контроле нарушают иерархию системы, где судебное решение должно быть обязательным для действий, ограничивающих права граждан.

Проблемы судебного контроля за следственными действиями выходят за рамки конкретных процессуальных нарушений и затрагивают фундаментальные принципы состязательности и равноправия сторон. Формальный подход судов к рассмотрению ходатайств о производстве следственных действий, ограниченные возможности защиты для оспаривания решений следователя, недостаточная мотивированность судебных постановлений создают дисбаланс в пользу стороны обвинения и подрывают справедливость процесса.

Институциональные проблемы системы следственных действий связаны с недостатками организации взаимодействия между различными участниками процесса. Слабая координация между следственными органами, экспертными учреждениями, оперативными подразделениями приводит к дублированию усилий, потере времени, снижению качества расследования. Отсутствие единых стандартов работы, различия в подходах к интерпретации процессуальных норм создают предпосылки для ошибок и злоупотреблений.

Этические аспекты проведения следственных действий также требуют пристального внимания, поскольку нарушения в этой сфере подрывают доверие граждан к правоохранительной системе. Недостаточное уважение к правам и достоинству участников процесса, использование недопустимых методов психологического воздействия, нарушение принципов гуманизма создают негативный образ правоохранительных органов и снижают эффективность борьбы с преступностью.

Конфликты интересов следователей, участвующих в связанных делах, подрывают объективность системы. В деле Хакасии (Апелляционное постановление № 22-1444/2024) следователь одновременно вел расследование основного дела о мошенничестве и связанного дела о подделке документов, что вызвало у защиты подозрения в предвзятости. Адвокат заявил отвод, указав, что следователь мог манипулировать доказательствами для усиления позиции обвинения в обоих делах. Суд отклонил отвод без мотивировки, что усилило недоверие к объективности расследования [3]. Подобная ситуация наблюдалась в деле Твери (Апелляционное постановление № 22К-2424/2024), где защита требовала отвода следователя и прокурора, ссылаясь на их личную заинтересованность из-за предыдущих конфликтов с обвиняемым. Суд также отклонил ходатайство без объяснений, что, по мнению защиты, нарушило принцип беспристрастности [5]. Эти случаи подчеркивают необходимость нормативного разграничения полномочий следователей, чтобы исключить предвзятость и сохранить целостность системы.

Слабая защита прав третьих лиц при проведении следственных действий, таких как арест имущества, нарушает баланс интересов в системе. В Апелляционном постановлении № 22-1443/2024 Брянского областного суда от 26 сентября 2024 года по делу о растрате следователь наложил арест на имущество, включая недвижимость, зарегистрированную на родственников обвиняемого. Защита предоставила документы, подтверждающие, что имущество принадлежало третьим лицам и не было связано с преступлением, но следователь не провел предварительную проверку правоустанавливающих документов. Суд снял арест частично, признав нарушение прав третьих лиц, но отметил, что следователь действовал в рамках ст. 115 УПК РФ [2]. Этот случай демонстрирует, как недостаточная проверка нарушает справедливость системы, затрагивая права лиц, не вовлеченных в процесс. О.В. Добровлянина подчеркивает: «Меры процессуального принуждения, такие как арест имущества, не должны включаться в систему следственных действий, так как их цель – ограничение прав, а не получение доказательств» [11, с. 548].

Интеграция цифровых технологий выявляет неспособность системы адаптироваться к современным реалиям. В деле Крыма (Апелляционное постановление № 22-2540/2024) изъятие электронных носителей без специалиста привело к потере части данных, что защита использовала для оспаривания доказательств [4]. В деле Хакасии (Апелляционное постановление № 22-1444/2024) споры о данных сотовых операторов, включая детализацию звонков, показали сложность их интерпретации из-за отсутствия стандартов оценки [3]. О.В. Добровлянина указывает на системный пробел: «Осмотр компьютера или телефона требует активного поиска информации, что выходит за рамки традиционного осмотра и приближается к обыску, но УПК РФ не предусматривает специального порядка для таких действий» [11, с. 551]. Она предлагает создать новую главу в УПК РФ, чтобы «система могла адаптироваться к информационным технологиям, сохраняя свою целостность» [11, с. 551]. В.Н. Яшин поддерживает: «Без законодательного закрепления порядка работы с электронными доказательствами система

остается неполной, что приводит к произвольному толкованию и снижению эффективности» [32, с. 123].

Некорректная классификация некоторых действий как следственных нарушает системную логику. О.В. Добровлянина критикует включение реализации или уничтожения вещественных доказательств (ст. 165 УПК РФ) в систему следственных действий: «Считать эти действия следственными неверно, так как их цель – управление доказательствами, а не их получение или проверка» [11, с. 550]. Она предлагает изменить формулировку ст. 165 УПК РФ, заменив «следственное действие» на «следственное и иное процессуальное действие», чтобы «внести ясность в структуру системы» [11, с. 550]. В.Н. Яшин добавляет: «Отсутствие исчерпывающего перечня следственных действий в УПК РФ порождает произвольное расширение системы, включая действия, не связанные с доказыванием, что подрывает ее целостность» [32, с. 120].

Психологические аспекты проведения следственных действий зачастую остаются без должного внимания, что снижает их эффективность и может привести к нарушению прав участников процесса. Недостаточная подготовка следователей в области психологии общения, отсутствие методических рекомендаций по работе с различными категориями лиц (несовершеннолетние, лица с психическими расстройствами, потерпевшие от тяжких преступлений) создают предпосылки для получения недостоверной информации и вторичной виктимизации потерпевших.

Информационная безопасность при проведении следственных действий становится все более актуальной проблемой в условиях развития цифровых технологий. Отсутствие надежных механизмов защиты персональных данных, риски несанкционированного доступа к материалам дела, возможность утечки конфиденциальной информации создают угрозы не только для участников процесса, но и для эффективности расследования в целом.

Межведомственное взаимодействие при проведении следственных действий часто осложняется отсутствием единых стандартов и процедур,

различиями в подходах к оценке доказательств, недостаточной координацией действий. Это особенно заметно при расследовании сложных многоэпизодных преступлений, требующих привлечения различных экспертных служб и оперативных подразделений.

Региональные различия в правоприменительной практике создают неравенство в доступе к правосудию и подрывают принцип единообразного применения закона.

Различные подходы к интерпретации процессуальных норм, неодинаковый уровень технической оснащенности следственных подразделений, различия в квалификации кадров приводят к тому, что качество расследования существенно зависит от территориальной принадлежности дела.

Временные ограничения при проведении следственных действий часто не соответствуют их реальной сложности, особенно при работе с большими объемами цифровой информации. Формальное соблюдение процессуальных сроков может привести к поверхностному исследованию доказательств и снижению качества расследования.

Финансовые ограничения системы предварительного расследования негативно сказываются на качестве следственных действий. Недостаточное финансирование экспертных исследований, ограниченные возможности для использования современных технических средств, низкая оплата труда экспертов и специалистов создают системные препятствия для эффективного расследования преступлений.

Международное сотрудничество в сфере следственных действий требует гармонизации национальных процедур с международными стандартами. Различия в правовых системах, языковые барьеры, сложности в признании доказательств, полученных за рубежом, создают дополнительные препятствия для расследования транснациональных преступлений.

Общественный контроль за проведением следственных действий остается недостаточно развитым, что создает предпосылки для

злоупотреблений и снижает доверие граждан к правоохранительной системе. Ограниченная доступность информации о ходе расследования, формальный характер взаимодействия с общественными организациями, недостаточная прозрачность деятельности следственных органов требуют системного реформирования.

Для устранения выявленных проблем предлагаются меры, направленные на укрепление системы:

- внедрение обязательной видеофиксации всех следственных действий для обеспечения прозрачности и предотвращения нарушений;
- усиление судебного контроля за безотлагательными обысками с обязательным обоснованием срочности;
- разработка нормативных стандартов для работы с цифровыми доказательствами, включая порядок изъятия и оценки данных;
- законодательное разграничение полномочий следователей для предотвращения конфликтов интересов;
- обязательная проверка правоустанавливающих документов перед арестом имущества для защиты прав третьих лиц;
- внедрение программ обучения следователей и судей работе с цифровыми доказательствами для повышения их компетентности;
- обязательная мотивировка отказов в отводах должностных лиц для устранения формального подхода.

Создание специализированных подразделений по работе с цифровыми доказательствами представляется необходимым для повышения эффективности расследования киберпреступлений и преступлений, связанных с использованием информационных технологий. Такие подразделения должны быть укомплектованы высококвалифицированными специалистами, обладающими знаниями в области информационных технологий, криминалистики и права.

Развитие международного сотрудничества в области обмена опытом проведения следственных действий позволит заимствовать лучшие практики

зарубежных правоохранительных органов и адаптировать их к российским условиям. Участие в международных проектах, стажировки сотрудников следственных органов за рубежом, организация совместных учений и конференций будут способствовать повышению профессионального уровня российских следователей.

Внедрение современных информационных технологий в деятельность следственных органов должно сопровождаться разработкой соответствующей нормативной базы и методического обеспечения. Создание электронных баз данных, автоматизированных систем учета и анализа доказательств, внедрение искусственного интеллекта для обработки больших объемов информации позволит повысить эффективность и качество предварительного расследования.

Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации следственных кадров должно включать не только изучение правовых дисциплин, но и освоение современных технологий, психологических методов работы с различными категориями участников процесса, международного опыта борьбы с преступностью. Регулярная аттестация следователей, оценка качества их работы, стимулирование профессионального роста будут способствовать повышению общего уровня следственной работы.

Перспективы совершенствования системы заключаются в создании унифицированных стандартов фиксации, усилении судебного контроля и адаптации к цифровым технологиям. Как подчеркивает И.А. Цховребова, «система следственных действий должна быть не только процессуально строгой, но и тактически эффективной, чтобы соответствовать задачам правосудия» [28, с. 192]. Реализация этих мер позволит сбалансировать интересы государства и личности, обеспечив объективность и справедливость уголовного процесса.

Итак, в третьей главе исследования раскрыта система следственных действий.

Система следственных действий представляет собой целостную, иерархически организованную и динамичную структуру процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве. Ее эффективность обусловлена взаимосвязью элементов, таких как осмотр, допрос и обыск, объединенных общей целью – установлением истины по уголовному делу. Гибкость системы позволяет адаптировать действия к специфике дела, а классификация по различным основаниям (юридическое основание, участники, технические средства, источник информации) подчеркивает ее многоуровневую организацию. Однако отсутствие законодательной дефиниции термина «следственное действие» и четкого перечня в УПК РФ создает правовую неопределенность, затрудняя правоприменение и систематизацию. Рекомендуется оптимизировать структуру норм УПК РФ, закрепив исчерпывающий перечень следственных действий и уточнив их критерии, чтобы устранить разночтения и повысить процессуальную ясность.

Система следственных действий сталкивается с рядом системных проблем, подрывающих ее целостность и эффективность. Нарушения процессуальных норм, такие как некорректное протоколирование и отсутствие мотивировки безотлагательности действий, приводят к риску фальсификации доказательств и признанию их недопустимыми, снижая доверие к правосудию. Конфликты интересов следователей, ведущих связанные дела, создают угрозу предвзятости, а слабая защита прав третьих лиц, например при аресте имущества, нарушает баланс интересов. Особое внимание привлекает неспособность системы адаптироваться к цифровым технологиям: отсутствие стандартов работы с электронными носителями и некорректная классификация действий, таких как осмотр цифровых устройств, приводит к утрате данных и правовой неопределенности. Эти проблемы подчеркивают необходимость устранения пробелов в законодательстве и повышения компетентности должностных лиц.

Для совершенствования системы предлагается внедрить обязательную видеофиксацию следственных действий, усилить судебный контроль за безотлагательными обысками с обязательным обоснованием срочности, разработать стандарты работы с цифровыми доказательствами. Необходимо нормативно разграничить полномочия следователей для исключения конфликтов интересов, обеспечить проверку правоустанавливающих документов перед арестом имущества и мотивировать отказы в отводах должностных лиц. Введение программ обучения следователей и судей работе с цифровыми технологиями, а также уточнение формулировок в УПК РФ, например, разделение следственных и иных процессуальных действий, позволит повысить прозрачность и эффективность системы. Эти меры обеспечат баланс между оперативностью расследования и защитой прав участников, сохраняя целостность и адаптивность системы к современным вызовам.

Заключение

Первая глава исследования посвящена систематическому анализу понятия, познавательной функции и классификации следственных действий, выявляя их значение для уголовного судопроизводства.

Следственные действия представляют собой строго регламентированные УПК РФ процедуры, выполняемые уполномоченными субъектами для собирания, проверки и оценки доказательств, сочетая познавательную, принудительную и удостоверительную функции. Их сущность заключается в обеспечении расследования преступлений, однако терминологическая неопределенность из-за отсутствия законодательного определения затрудняет единообразное правоприменение. Современные реалии, включая цифровизацию, требуют переосмысления классификации следственных действий и усиления процессуальных гарантий для баланса между эффективностью расследования и защитой прав граждан, особенно в условиях применения принудительных мер.

Познавательная функция следственных действий обеспечивает установление истины через целенаправленные собирание, проверку и закрепление доказательств, опираясь на принципы объективности, всесторонности и полноты. Эффективность этой функции зависит от использования криминалистических программ и четкой постановки вопросов, направляющих расследование, однако расширение альтернативных способов собирания доказательств снижает их исключительную роль, требуя четкого разграничения. Внедрение цифровых технологий, таких как биометрия и искусственный интеллект, открывает новые возможности, но подчеркивает необходимость адаптации процессуальных норм. Психологические аспекты, включая профессиональную деформацию следователей, требуют внимания для повышения качества познавательной деятельности.

Следственные действия, предусмотренные главой 19 УПК РФ (осмотр, допрос, экспертиза и другие), объединяют поисковые и познавательные

операции, обеспечивая выявление и закрепление доказательств. Их классификация осложняется включением организационно-обеспечительных процедур, что требует уточнения их правовой природы. Развитие киберпреступности и транснациональных угроз подчеркивает важность гармонизации процедур с международными стандартами и внедрения дистанционных технологий. Системный подход, включающий координацию с оперативно-розыскными мероприятиями и экспертизами, необходим для повышения эффективности расследования, особенно в условиях современных вызовов, требующих гибкости и адаптации.

Вторая глава исследования посвящена процессуальной характеристике следственных действий, раскрывая их правовую и методологическую основу в российском уголовном судопроизводстве. Анализ позволил систематизировать ключевые аспекты нормативного регулирования и принципов проведения следственных действий, подчеркнув их значение для достижения целей уголовного процесса при строгом соблюдении прав участников.

Нормативное регулирование следственных действий опирается на Конституцию РФ, гарантирующую защиту прав личности, и УПК РФ, устанавливающий строгие правила их проведения. Требования к протоколированию, судебному контролю и применению технических средств, а также особые ограничения при расследовании экономических преступлений обеспечивают баланс между интересами следствия и правами граждан. Дополняют правовую основу Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции» и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, формируя комплексную систему, направленную на законность и достоверность доказательств.

Принципы и условия проведения следственных действий составляют методологическую основу их реализации. Законность, своевременность и баланс публичных и частных интересов, наряду с ненормативными принципами, такими как системность, динамичность и индивидуальность, обеспечивают структурированную и эффективную деятельность следователя.

Условия, включая наличие правовых оснований, обязательное протоколирование, использование технических средств и привлечение специалистов, гарантируют прозрачность и достоверность процесса. Отсутствие четкого законодательного определения следственных действий подчеркивает необходимость дальнейших теоретических и нормативных разработок.

В третьей главе исследования раскрыта система следственных действий.

Система следственных действий представляет собой целостную, иерархически организованную и динамичную структуру процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве. Ее эффективность обусловлена взаимосвязью элементов, таких как осмотр, допрос и обыск, объединенных общей целью – установлением истины по уголовному делу. Гибкость системы позволяет адаптировать действия к специфике дела, а классификация по различным основаниям (юридическое основание, участники, технические средства, источник информации) подчеркивает ее многоуровневую организацию. Однако отсутствие законодательной дефиниции термина «следственное действие» и четкого перечня в УПК РФ создает правовую неопределенность, затрудняя правоприменение и систематизацию. Рекомендуется оптимизировать структуру норм УПК РФ, закрепив исчерпывающий перечень следственных действий и уточнив их критерии, чтобы устранить разночтения и повысить процессуальную ясность.

Система следственных действий сталкивается с рядом системных проблем, подрывающих ее целостность и эффективность. Нарушения процессуальных норм, такие как некорректное протоколирование и отсутствие мотивировки безотлагательности действий, приводят к риску фальсификации доказательств и признанию их недопустимыми, снижая доверие к правосудию. Конфликты интересов следователей, ведущих связанные дела, создают угрозу предвзятости, а слабая защита прав третьих лиц, например при аресте имущества, нарушает баланс интересов. Особое

внимание привлекает неспособность системы адаптироваться к цифровым технологиям: отсутствие стандартов работы с электронными носителями и некорректная классификация действий, таких как осмотр цифровых устройств, приводит к утрате данных и правовой неопределенности. Эти проблемы подчеркивают необходимость устранения пробелов в законодательстве и повышения компетентности должностных лиц.

Для совершенствования системы предлагается внедрить обязательную видеофиксацию следственных действий, усилить судебный контроль за безотлагательными обысками с обязательным обоснованием срочности, разработать стандарты работы с цифровыми доказательствами. Необходимо нормативно разграничить полномочия следователей для исключения конфликтов интересов, обеспечить проверку правоустанавливающих документов перед арестом имущества и мотивировать отказы в отводах должностных лиц. Введение программ обучения следователей и судей работе с цифровыми технологиями, а также уточнение формулировок в УПК РФ, например, разделение следственных и иных процессуальных действий, позволит повысить прозрачность и эффективность системы. Эти меры обеспечат баланс между оперативностью расследования и защитой прав участников, сохраняя целостность и адаптивность системы к современным вызовам.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. - Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 251 с.
2. Апелляционное постановление № 22-1443/2024 от 26 сентября 2024 года Брянского областного суда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qb6tdLHbqfmB/> (дата обращения: 01.03.2025 г.).
3. Апелляционное постановление № 22-1444/2024 от 25 сентября 2024 года Верховного Суда Республики Хакасия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ySrQ7Jy6uGxC/> (дата обращения: 01.03.2025 г.).
4. Апелляционное постановление № 22-2540/2024 от 29 августа 2024 года Верховного Суда Республики Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qb6tdLHbqfmB/> (дата обращения: 01.03.2025 г.).
5. Апелляционное постановление № 22К-2424/2024 от 23 сентября 2024 года Тверского областного суда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/MTVTa0scNzJQ/> (дата обращения: 01.03.2025 г.).
6. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф.Н. Багаутдинов. - М. : Юрлитинформ, 2004. 543 с.
7. Васильева Н.М. Понятие и сущность следственных действий // Вестник магистратуры. 2019. № 9-1 (96). С. 133-135.
8. Гельдибаев М.Х. Уголовный процесс : (Учеб. пособие) / М.Х. Гельдибаев. - СПб. : Альфа, 2001. 254 с.
9. Горбенко Т.В. К вопросу об определении поисково-познавательных следственных действий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 183-190.

10. Давыдовская М.В. К вопросу об общих условиях и общих правилах производства следственных действий // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 172-178.

11. Добровлянина О.В. К вопросу о системе следственных действий в уголовном судопроизводстве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : Сборник научных статей, Пермь, 18-19 ноября 2016 года / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. - Пермь : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 547-552.

12. Добровольская Т.Н., Чувилов А.А. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по Общей части: Учебное пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1985. 91 с.

13. Дулов А.В., Грамович Г.И., Лапин А.В. и др. Криминалистика: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Дулова. Минск, 1998. 415 с.

14. Комягина Ю.С. Принципы следственных действий // Право и образование. 2016. № 11. С. 135-145.

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2025 г.).

16. Кузьмин С.В. Познавательная функция вопроса в процессе расследования // Российский юридический журнал. 1995. № 4(8). С. 118-125.

17. Lupinskaya P.A. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 1008 с.

18. Неясова В. С. Особенности проведения следственных действий в уголовном процессе // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 662-670.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных

действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения: 01.03.2025 г.).

20. Прохорова Е.А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 158-161.

21. Седых Т.В. Понятие и сущность следственных действий / Т.В. Седых // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 23-24 марта 2023 года. Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. С. 58-59.

22. Стельмах В.Ю. Следственные действия : учебное пособие для бакалавриата / В.Ю. Стельмах. - М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 208 с.

23. Терехов М.Ю., Пятибратова Н.Д. Следственные действия: рассуждения о понятии и сущности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 109-112.

24. Токаренко Е.С. Основные признаки следственных действий // Вестник КРУ МВД России. 2012. №4 (18). С. 51-55.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2025 г.).

26. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 01.03.2025 г.).

27. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения:

01.03.2025 г.).

28. Цховребова И.А. Система следственных действий // Публичное и частное право. 2018. № 1 (37). С. 177-192.

29. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.

30. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. - М. : Юрлитинформ, 2001. 206 с.

31. Шхагапсоев З.Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 186-190.

32. Яшин В.Н. Проблема определения системы следственных действий в уголовном процессе России // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32). С. 115-124.